

ТУЛЬСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Роман Елиава

Победитель конкурса
«Со слов очевидцев 2024»

Лучший
исторический
детектив

Литрес

Тульский детектив

Роман Елиава

Тульский детектив

«Автор»

2023

Елиава Р.

Тульский детектив / Р. Елиава — «Автор», 2023 — (Тульский детектив)

Идёт 1883 год. В Москве освящён Храм Христа Спасителя и состоялась коронация Александра III. Эти значимые события обсуждает небольшое общество, собравшееся в имении «Родники», в Тульской губернии. За ужином происходит трагическое событие, погибает человек. Что это - несчастный случай или злой умысел? Ответ будут искать новоиспеченный урядник Иван Трегубов и опытный пристав Илья Петрович Столбов.

© Елиава Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1.	5
2	9
3.	13
4.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Роман Елиава

Тульский детектив

1.

В этот тихий тёплый июньский вечер пахло грозой, что подтверждали темные облака на горизонте, которые более эмоциональный человек мог бы назвать даже тучами. Однако, несмотря на затишье и духоту, дождь мог начаться и позже, ночью, а то и вовсе пройти мимо имения «Родники», где нынче собралось благородное общество послушать новости о коронации Александра Третьего.

Управляющая имением, дама за сорок, со строгим выражением узкого лица с небольшими серыми глазами, всё-таки распорядилась перенести ужин из беседки в зал второго этажа, откуда открывался вид на ближайший лес и на облака, низко нависшие над кронами деревьев. Окна были открыты нараспашку, но это не помогало, и помещику из соседнего имения, Шляпникову Василию Ивановичу, приходилось изрядно потеть. Причиной сего была не только тёплая погода лета восемьдесят третьего года, а ещё изрядное брюшко и плотная, официального покроя, одежда этого господина. Василий Иванович старался не налегать на горячий чай и часто вытирал платком пот со лба уже лысеющей головы.

А вот жена его, тоже полноватая, но миловидная дама, чувствовала себя гораздо уютнее, поскольку оделась в более лёгкое летнее платье и предусмотрительно запаслась веером.

В центре беседы был благообразный господин в сюртуке, с привлекающими внимание большими и ухоженными бакенбардами. Это был земский врач Александр Францевич Рар, обычно живущий в Туле, но периодически навещающий окрестных помещиков по врачебным (и не только) делам.

– Что было в самом Успенском соборе, знаю только понаслышке и из газет. Кто же пустит туда столь малозначительную персону? – отвечал он на вопрос Людмилы Павловны, которая управляла помещьем, где собрались гости. – Могу только отметить, что сам собор выглядел лучше. Наконец удосужились сделать реставрацию.

– Я читал в газете, – сказал господин в темном сюртуке, с квадратной челюстью и носом с горбинкой, нависшим над небольшими узкими губами, – что генерал Баранов подал державу, а граф Валуев скипетр.

– Но как же сам государь? – перебила управляющая этого господина, который звался Иосиф Григорьевич Сошко и состоял директором сахарного завода, также принадлежавшего владельцу имения «Родники». – Как Мария Федоровна? Как они показались?

– Ну как? Одета она была в белое платье, а государь – в генеральский мундир с аксельбантами. Потом поехали они на обед в Грановитую палату.

– Я не про это, Александр Францевич, здоровы ли, как смотрелись на коронации?

– Ах, Людмила Павловна, – развел руками врач, – я же слепой. Даже в очках вижу только невдалеке. Вы же знаете это. Лиц не рассмотрел. Но говорят, что всё хорошо прошло, без огорчений. Газетчики пишут: император был доволен.

– Давно пора уже было, – вставил своё мнение потеющий Шляпников.

– Что давно пора уже? – спросил его молодой человек лет двадцати или чуть более с правильными чертами лица и выразительными карими глазами, хозяин поместья и сахарного завода по фамилии Торотынский.

– Давно пора было коронацию провести, Михаил Алексеевич. Сколько уже времени прошло с того бесовского события?

– Вы про убийство? – переспросил Торотынский.

– Про него, конечно же!

– Около двух лет, – подсказала жена Шляпникова.

– Вот! – Шляпников поднял ложку, испачканную вареньем так, будто бы она служила доказательством его словам.

– А я думаю, как раз негоже было бы устраивать церемонию сразу после того, как твоего батюшку убили, – несколько экспрессивно возразил Торотынский. – Правильно, что подождали. Вон и Успенский собор успели отремонтировать и Храм Христа Спасителя доделали. Вы, кстати, посетили его, Александр Францевич?

– Не в первый день, но, конечно, конечно, – растягивая слова ответил земский врач, крещенный православным в детстве, в отличие от родителей, которым пришлось сменить протестантскую веру на православную уже после переезда в Российскую Империю. – Скажу вам, что это просто великолепно! Каждому русскому человеку нужно посетить его и вознести в нём молитву. Этот Храм, несомненно, станет маяком веры для православных во всём мире. Несомненно!

– Мы с Ваней собираемся в июле в Москву. Да? – попросил подтвердить это своего друга Михаил Торотынский.

– Собираемся. Если служба позволит, – ответил Иван Трегубов, сидевший справа от Михаила. Он только что прошел испытательный срок и был принят на государственную службу.

– Что за служба? Я кажется один ещё не в курсе? – поинтересовался врач.

– Урядник, – ответил, покраснев молодой человек, – это – младший полицейский чин.

– Не нужно смущаться, – воскликнул, заметив это Александр Францевич. – Вы будете служить государству Российскому.

– Да и содержание не помешает, – без лишней щепетильности вставила Людмила Павловна. – Батюшка-то Ваш кроме долгов ничего не оставил.

Иван Иванович Трегубов, голубоглазый шатен с правильным овалом лица, снова смутился и, по примеру Шляпникова, тоже стал ковырять ложкой варенье.

– Однако, это очень ответственно, молодой человек, – продолжил земский врач. – Должен сказать, что урядник – это не просто полицейский чин, это ответственность: это и пожарная безопасность в вашем ведении, и даже оказание первой медицинской помощи. В этом аспекте, если у вас будут вопросы, прошу обращаться ко мне без стеснения. Всегда помогу советом.

– Я уверен, что Ваня справится, – Торотынский посмотрел на друга и улыбнулся, – а мы все ему поможем. И урядник – это только первая ступень в карьере. Ещё увидите, господин Трегубов станет исправником всей Тульской Губернии.

– Дай Бог, дай Бог! – сказала Людмила Павловна. – Но почему же ты меня не предупредил, что хочешь уехать в Москву? Надолго ли?

– Нет, ненадолго, на пару дней, может быть. Знаю, сейчас столько хлопот с крестьянами. Куда уж надолго?

– Вот это, вы верно заметили, – снова вступил в разговор Шляпников, как только тема оказалась близка его переживаниям помещика, – совсем они разболтались, слова не скажи. Приходится теперь иметь дела с этими старшинами, которые возомнили о себе.

– Вы не правы, Василий Иванович, – возразила ему Людмила Павловна. – Ещё чаю? Петька, что стоишь? Подлей! – повернулась она к опрятно одетому худому подростку, который выполнял роль прислуги на ужине. – Раньше Вам нужно было самому во все вникать, чтобы вести дела. Сейчас же этим занимаются как раз сельские старшины и старосты. Они сами всё решают со своими, и они лучше нас знают, где надавить, а где отпустить. Иначе сами останутся без денег и прокорма своих семей.

Пятнадцатилетний паренек быстро подхватил чашку и подлил горячей воды из большого и дорогого самовара фабрики Баташева, достойного не только этого общества, но, возможно, и стола самого Императора.

– Но они такие неприятные, – Шляпников смотрел на горячий чай, не решаясь его попробовать. – Нужно делать вид, что они равные, разговаривать с ними вежливо.

– Зато у них теперь у самих есть потребность и устремление собрать больше урожая, получить больше денег. А значит и мы больше получим, – поучительным тоном отреагировала Людмила Павловна на слова соседа.

– К тому же, они – люди, такие же люди, как и мы, – заметил Торотынский, – нужно к этому привыкать. Крепостное право давно стоило отменить, как в Европе. Рабство – постыдно.

– Ах, молодой человек, – отмахнулся от него помещик, – это в Вас молодость и неприимчивость к обычаям говорят, а они, эти обычаи, позвольте заметить, не на пустом месте возникли. Вон, посмотрите на Вашего друга! До чего его довели эти новые законы? Батюшка из-за долгов грех совершил, а он теперь в урядники пошёл, как крестьянский сын. А ведь с Вами в гимназии учился, надежды подавал.

– С Иваном всё будет хорошо, – вступился за друга Михаил. – Времена сейчас другие: нужно меняться. Хватит сидеть на крестьянской шее! Нужно самим что-то делать.

– Вам хорошо говорить, – обидчивым тоном проговорил Шляпников. – А если бы Вы жили только на сельском хозяйстве! А так у Вас и лесопилки, и завод сахарный. А мужик – он всё равно глупый, им управлять надо. А если не управлять, то нет пользы ни нам, ни самим мужикам.

– Здесь я с Вами не соглашусь, – тихо, но отчетливо произнёс молчавший ранее Иосиф Григорьевич Сошко. – У меня на заводе кто работает? Бывшие мужики, крестьяне. И из них много очень пытливых и сметливых, порой поумнее некоторых благородных будут.

– Этак Вы до народовольских речей договоритесь, Иосиф Григорьевич, – начал горячиться и снова потеть Василий Иванович.

– Вася, не нужно, – попыталась успокоить мужа Шляпникова, положив ему ладонь на руку.

– Нет уж, я скажу! Вот великий был человек, Александр Второй, освободитель земель славянских от басурман всяких. Освободил ещё и мужиков этих. А они что сделали? А?! Бомбой в него! И это в знак благодарности? А вы говорите «сметливые». Грабить да убивать они сметливые. Банк Херсонский ограбить хотели!

– Говорят, что отец Перовской – потомок Разумовских, – отметил Сошко.

– Да – да, она не из крепостных, а из благородных, – заметила Людмила Павловна.

– Из благородных, но спуталась с этим, как его, Андрейкой Желябовым, – горячился Шляпников, – он то как раз из этих, мужиков крепостных. Вот она благодарность: ему свободу, а он бомбу кидать, и ещё благородного происхождения молодежь затягивать во всякую «Народную Волю». Всё разлагается вокруг... Страна держится на правилах! На Императоре – батюшке! А тут что?

Неизвестно, куда бы дальше завел спор, зашедший в такое неожиданное русло, что Михаил Алексеевич уже, встав, хотел не менее горячо возразить Шляпникову и выступить в защиту позиции Иосифа Григорьевича, как вдруг с улицы послышался громкий крик.

– Торотынский! Подлец! Бери саблю и выходи! Разберемся, как мужчины!

– Кто это? – удивился Александр Францевич.

– Капитан Медведев. Опять, наверное, пьян, – ответил Иван.

Гости вскочили со своих мест и подбежали к окнам. В сумерках они увидели во дворе фигуру в белой рубахе, сидящую на серой лошади с саблей в руке.

– То-о-о-роты-ы-ы-нский! – протяжно закричал пьяный всадник.

– Ну всё! На этот раз я с ним разберусь! – вскричал Михаил. – Петька, саблю мне!

Петька неуверенно двинулся в сторону двери.

– Петька, стой! – остановила его Людмила Павловна. – Михаил, что за смертоубийство ты хочешь учинить у всех нас на глазах?!

– Ах, Людмила Павловна! – в отчаянии воскликнул Михаил, – ну сколько можно терпеть эти выходки? Как напьется, всё время одно и то же!

– Ты хочешь зарубить пьяного, или, не дай Бог, он тебя порешит? Он опытный офицер, а ты только и знаешь с какого конца саблю берут.

– А что прикажете делать? – с безысходностью проговорил Михаил.

– Пугани его ружьем, прошлый раз подействовало, – предложила управляющая.

– Петька, беги к Степану, принеси ружье! – приказал Михаил отроку.

– Ружьё? – удивился Александр Францевич.

– Оно не заряжено, – сказал Михаил, – пугач, если кто из лихих людей в дом залезет.

– Вот именно, – продолжила Людмила Павловна. – Нужно снова напугать этого вояку и отправить восвояси, пусть проспит.

Петька сбежал к садовнику, Степану Игнатьевичу, и принёс старое охотничье ружье. Михаил взял ружье, вышел из комнаты и спустился вниз.

– Медведев, уезжай по доброму, иначе, не ровен час, пристрелю лошадь, а то и тебя, – он встал в нескольких шагах от лошади, выставив вперед ружьё, чтобы его можно было хорошо разглядеть в сумерках.

Фигура в седле покачнулась, и, казалось, вот-вот упадёт с коня. Но каким-то чудом капитан удержался верхом. Он поднял голову и, узнав Михаила, задумчиво опустил руку с саблей и расслабился в седле. Конь переступил с ноги на ногу, почувствовав немного свободы. Гости облегченно вздохнули. Инцидент был почти исчерпан.

– Торотынский! Подлец! – внезапно встрепенулся в седле капитан. Он снова поднял саблю и направил коня прямо на Михаила.

– Ах ты, гад такой! – воскликнул Торотынский. – Стой или стреляю!

Он вскинул ружье так, чтобы Медведев увидел, что дуло смотрит в его сторону.

Но капитан потянул на себя поводья, и конь стал подниматься на дыбы над молодым хозяином «Родников».

Прогремел громко выстрел. Медведев не удержался и упал с коня.

– Что такое? – удивился Михаил, не сводя глаз с неподвижно лежащего Медведева, – ружьё же не заряжено?

Из дома выскочили Петька и протирающий спросонья глаза садовник, Степан Игнатьевич.

– Кажись, они мертвые, – сказал Степан, наклонившись над Медведевым.

– Что? Не понимаю... как? – Михаил с удивлением посмотрел на ружьё в своих руках.

– Что ты мелишь такое, Игнатьевич, от чего он умер? – выкрикнула из окна управляющая.

– Да вроде от пули. Кровь течёт, – ответил Степан.

– От какой такой пули? – растерянно проговорил Михаил Алексеевич.

– Так. Мне нужно спуститься вниз, – заявил Александр Францевич и посмотрел на Ивана. – Вы со мной, молодой человек?

2

Илья Петрович Столбов, один из приставов Тульской губернии, медленно возвращался в полицейский дом. Медленно, потому как тяготили его думы о текущем положении на службе. Мрачные мысли неторопливо осмысливались в его голове и, возможно, телепатически придавали эту медлительность его лошади, бредущей настолько медленно, что казалось она вот-вот должна остановиться.

Илья Петрович возвращался от губернатора. Сергей Петрович Ушаков был личностью незаурядной и не лишенный некоторых талантов, не даром был отмечен несколькими наградами. Он успел послужить Отчизне в разных уголках Российской Империи, был опытен и терпелив. Но сегодня, когда он собрал исправника и приставов Тульской губернии, чтобы расставить приоритеты в их службе и текущей деятельности полицейских чинов, Сергей Петрович явно был на взводе. Его внутреннее состояние выражалось в покрасневшем лице и трясущихся бакенбардах, когда он с несвойственной для себя манере повышал голос.

Столбова не миновали слухи, что после безвременной кончины Марии Александровны, супруги губернатора, подарившей ему четырех детей, Сергей Петрович стал задумываться об отставке, что было объяснимо – человек он уже немолодой. Семейные дела – пока Ушаков занимался вверенной ему Императором губернией – вела трагически попавшая под лошадь Мария Александровна. Сейчас же всё это лежало исключительно на его плечах.

Сам Илья Петрович Столбов, хотя и не имел семьи и хозяйства, был тоже уже немолод, поэтому прекрасно понимал губернатора. Однако, если ему ранее прочили стать исправником, и это находило в нем живейший интерес, то после сегодняшнего утра пришлось задуматься, нужно ли ему это повышение. Брать такую большую ответственность на себя в такое время...

Илье Петровичу было на вид около пятидесяти лет. Его слегка выющиеся светлые волосы начинали заметно редеть, а некогда атлетического склада фигура расплзалась во всё более объёмные и вместительные мундиры. Жалованье пристава было не единственным доходом Ильи Петровича. Он получал пенсию по инвалидности. Столбов прошел всю Крымскую кампанию, в завершении которой получил контузию по причине артиллерийского обстрела позиций. Ранение не позволяло далее служить Отечеству и Императору в армии, поскольку Илья Петрович стал немного туг на уши и иногда страдал сильными головными болями. Ввиду отсутствия собственного имения и крестьянских душ, раненный ветеран с помощью сослуживцев был вынужден устроиться в полицию Тульской губернии на должность уездного пристава с годовым содержанием в шестьсот рублей. За годы усердной и честной службы он показал свою способность к профессии, и был намерен повышен до помощника исправника. Этот чин тоже не смотрелся как постоянный, – многие думали, что именно Столбов может стать следующим исправником.

Впрочем, если вернуться к мыслям, одолевавшим сейчас Илью Петровича, то можно было понять, что его заинтересованность в повышении сильно снизилась после утренней речи Сергея Петровича Ушакова.

Губернатор озвучил то, что давно зрело в обществе, и всего лишь облек существующие настроения в слова, спущенные, возможно, с самого Императорского трона. Эпоха Александра Второго заканчивалась, и начиналась эпоха его второго сына – Александра Третьего. Начиналось отступление от движения к свободам и обновлению уклада жизни, которое начал в Империи его покойный отец, и которое, кстати, принесло очень много забот полиции, ибо обнищавшее крестьянство было склонно к множеству бытовых преступлений и разбою. Губернатор нацелил верхние чины полиции на ужесточение надзора за соблюдением текущих установок.

Сами установки тоже менялись. Как сказал губернатор, отныне нужно усилить внимание и наблюдение за антиправительственными проповедниками, народовольцами и прочими бомбистами.

Это, конечно, неудивительно. Сколько было уже покушений, которые завершились убийством Императора! Столбов перекрестился при этом воспоминании. Однако он по-другому представлял себе полицейскую деятельность. В ней бомбист был просто преступником, одним из многих их видов. А сосредоточиться на вольнодумстве молодёжи в то время, когда не хватает людей, чтобы ловить душегубов, разумным для него не казалось. Губернатор приказал изучить новейшие и, как представлялось, эффективные методы жандармского подполковника Судейкина по установлению слежки и вербовки информаторов.

Но как, скажите, пожалуйста, относиться к тому, что под подозрение попадают люди, не совершившие никаких преступлений, а всего лишь имеющие пытливый ум? Шутка ли сказать, установили негласное наблюдение за графом Толстым. Зачем, спрашивается? Гордость России, известный писатель! Столбов знал графа лично ещё по защите Севастополя. Лев Николаевич был храбрый офицер, радеющий об Отчизне, а тут полицейский надзор над ним. Происходило что-то неправильное. Столбов пока не мог сформулировать для себя окончательное отношение к происходящему, что и являлось причиной его мучительных раздумий.

Лошадь наконец добрела до полицейского дома. Илья Петрович в задумчивости спрыгнул с коня и угодил сапогами, начищенными до блеска по случаю приёма у губернатора, прямо во взбитую многими ногами и копытами жижу грязи. Всю неделю были грозы и дожди, которые размывали все дороги. Илья Петрович оглядел сапоги и чертыхнулся, но делать уже было нечего. Он стоял по щиколотку в грязи.

Открылась дверь и вышел один из его городских.

– Ничего, Петрович, не грусти, отмоется. Сейчас все мы такие – грязь везде, не объедешь и не обойдешь, – попытался он успокоить Столбова, не поняв настоящей причины его плохого настроения.

Илья Петрович молча передал поводья городскому и прошел внутрь.

– Вас там ожидают, – крикнул ему вдогонку городской.

– Кто?

Но навстречу ему уже поднимался со стула, что стоял рядом со столом писаря, молодой незнакомый человек в форме урядника. Столбов обратил внимание, что на черных погонах выпушка была не из оранжевой, а из бело – жёлтой шерсти.

«Из благородных, – подумал Илья Петрович, – наверное, что-то просить пришел».

– Урядник Трегубов, – представился молодой человек. – Только поступил на службу, – добавил он, видя недоумение на лице Столбова.

– А – а, ну, заходите, – Илья Петрович прошел к себе в кабинет. – Закройте дверь и садитесь.

Пристав взял со стола графин с остатками вчерашнего кваса и двумя жадными глотками допил его, пока молодой урядник, ёрзая, усаживался на стуле. Столбов тоже сел напротив него, через стол, задумчиво поглаживая уже появившуюся с утра небольшую щетину на щеках. Он был ещё в своих мыслях. Затем медленно перевел взгляд на Трегубова.

– Ну – с, что Вы хотите, молодой человек?

– Мне крайне неловко, но я хотел бы просить Вас об услуге, – начал Иван.

«Я угадал», – подумал про себя Столбов, а вслух сказал:

– Молодой человек, я понимаю Ваши амбиции, но у нас все начинают с уездных деревень. Вас ведь туда направили?

– Да, – смутился молодой урядник, – но я не об этом.

– О чём же тогда? – нетерпеливо прервал его пристав.

– Мой друг – Михаил Торотынский, его заключили в тюрьму по подозрению в убийстве.

– И что же?

– Я знаю, что Вы специалист по таким делам, и очень часто открывали правду.

– Разве следствие не будет вестись?

– Будет, – ответил Иван.

– Разве Вы подозреваете губернскую полицию в предвзятости, молодой человек?

– Ни в коем случае! – горячо возразил Иван. – Но случай очень сложный.

– Нет доказательств?

– Наоборот, – торопливо проговорил Трегубов, – слишком много. Все видели, как произошёл сей несчастный случай, в том числе и Ваш покорный слуга.

– Тогда, – сказал Илья Петрович, вставая со стула и давая таким образом понять, что разговор закончен, – Вашему другу нужен хороший адвокат.

– Именно, – ответил Иван, тоже вставая, но продолжая диалог, – а такого нет. Тут нужен был бы кто-то, как Анатолий Фёдорович.

– Какой Анатолий Фёдорович?

– Кони.

– Ваш друг что, убил градоначальника? – забеспокоился Столбов, вспомнив утренний приём у губернатора и то, что Кони несколько лет назад защищал Засулич, стрелявшую в градоначальника Петербурга Трепова.

– Нет, – ответил Трегубов. – Понимаете, ружье выстрелило случайно, и при этом все вокруг видели выстрел. Кажется, особенно и расследовать нечего, но Михаил даже не знал, что оно заряжено.

– То есть Вы считаете это несчастным случаем? – пристав снова сел, с облечением от того, что на вверенной ему территории не случилось громкое политическое убийство.

– Да, но я опасаясь, что никто не примет это в расчет.

– Послушайте, молодой человек, у Вашего друга есть деньги?

– Есть, но...

– Мой совет остаётся тем же: пусть наймёт адвоката.

– Но, может быть, Вы могли бы провести допрос? – зашёл с другой стороны Иван. – Не могу же я допрашивать его. Я друг и свидетель одновременно.

– Нет, конечно, Вы не можете, – сразу согласился Столбов. – Тем более Вы только поступили на службу, и опыта у Вас соответствующего нет. Допрос проведёт...

Столбов задумался: кому поручить это дело? И понял, что в ближайшую неделю точно все заняты, людей в полиции совершенно не хватало. Служба в ней была непопулярна среди образованной молодежи. Он посмотрел на молодого урядника. Может, действительно, ему съездить на допрос и заодно оценить новоиспеченного сотрудника? Интересно, зачем этот пошел служить в полицию? Сразу видно – из благородной семьи, и, судя по речи и манерам, с хорошим образованием.

– Хорошо, – вздохнул Илья Петрович. – Рассказывайте, что там приключилось у Вашего друга.

– Это – несчастный случай, – облегченно заторопился вновь севший на стул Трегубов. Мы собрались на ужин в поместье моего друга.

– Что за поместье? – уточнил пристав.

– «Родники» называется.

– Сахарозаводчика Алексея Торотынского?

– Да! То есть нет, – поправился Иван, – теперь его сына, Михаила, а Алексей Константинович, ныне покойный, его отец.

– Стало быть, это и есть Ваш друг? Продолжайте.

– Мы собрались.

– Мы – это кто?

– Я, Михаил, соседи Шляпниковы, управляющая имением, директор завода. Ах, да, ещё доктор Рар был.

– Знаю такого, земский врач. Дальше.

– И тут опять приехал пьяный Медведев. Он, собственно, и есть жертва.

– Тоже приглашен был? Опоздал? Откуда он приехал? – спросил Столбов.

– Э... Нет, не был приглашен, а приехал из своего поместья. Он тоже сосед, – ответил Иван.

– Понятно, не был приглашен и был пьян. Какая цель визита?

– Э... – Иван снова задумался, как сформулировать ответ. – Приехал зарубить Михаила на дуэли саблей.

– Этому есть причина? – Илья Петрович поднял глаза на Трегубова.

– Да. Понимаете, бывшая невеста капитана Медведева, Мария Александровна, теперь стала невестой Михаила Алексеевича.

– То есть, у Вашего друга был полный резон застрелить капитана Медведева? – твердым голосом задал вопрос Столбов.

– Э... Как раз нет, – Иван смутился от того, что перечил своему начальнику, – невеста ушла к нему, а не наоборот. Это капитан Медведев хотел убить Михаила. У него был резон.

«А он не глуп», – подумал об уряднике Столбов и спросил:

– У невесты есть фамилия?

– Мглевская Мария Александровна. У них тоже имение рядом, соседи.

– Не слышал о таких. Что было дальше?

– Дальше Михаил взял ружье, пугач, которое никогда не заряжают пулями, а оно случайно выстрелило.

– Насколько случайно?

– Капитан был на лошади, а Михаил стоял перед ним, он просто хотел отпугнуть ружьем Медведева, тот был с саблей, а тут лошадь на дыбы. Он и нажал курок случайно.

– Выглядело бы, действительно, как случайность, но есть одно но, – прервал Трегубова Илья Петрович.

– Пуля? – Иван посмотрел на пристава.

«Да, совсем неглуп», – снова подумал Столбов и сказал:

– Да, пуля. Вы говорили, что ружье всегда было не заряжено. Получается, что Ваш друг зарядил его перед тем, как выйти к капитану, а это значит, он имел намерение не только испугать его.

– Всё так и выглядит. Вы правы. Именно поэтому я и пришёл к Вам. Если мы узнаем в ходе сыска, что Михаил не имеет отношения к пуле и не знал о ней, значит, это – случайность, и не нужны хорошие адвокаты.

– Пока сложно сказать, но да, такое возможно, – ответил Столбов. – Ответьте мне на один вопрос.

– Какой?

– Вы так уверены в своём друге? – пристав пристально посмотрел в лицо Трегубова.

– Да, уверен, – твердо заявил Иван.

– Хорошо, что есть такие друзья. Где содержат Михаила?

– В новой городской тюрьме.

– Завтра навестим его, а сейчас идите, приступайте к своим обязанностям.

3.

Утреннее солнце грело уже совсем по-летнему. Два всадника, беседуя, двигались бок о бок по направлению из города. Молодой урядник рассказывал Илье Петровичу Столбову почему он пошёл в полицию.

– Может быть, мне стоило пойти в училище, а затем в армию, однако батюшка распорядился пойти в гимназию. Очевидно, он питал какие-то планы на моё будущее, которые не сбылись по причине известных событий.

– Получается, что Вы на службе, чтобы иметь жалованье для Вас и Вашей сестры? Двести рублей жалованья в год, хотя бы и с компенсацией за жильё и обмундирование, совсем негусто на двоих.

– Пока нам хватает. Мы и не привыкли к роскоши. В последние годы у нас было совсем плохо с деньгами – батюшка всё проигрывал. Но я бы не сказал, что у меня не было выбора. Если Вы подразумеваете это, конечно.

Столбов промолчал, ожидая продолжения от своего молодого спутника.

– Выбор был. Михаил предлагал работать у него. Кроме того, были варианты и с государственной службой.

– Тогда почему именно полиция? – удивился Столбов. – Платят немного, а забот не счесть. Не лучше ли было сидеть в конторе и бухгалтерствовать, например?

– Я бы хотел служить, а не сидеть всю жизнь в конторе. Трудностей я не боюсь, кроме того, мне интересна работа в полиции.

– Чем же это?

– Здесь можно применять свои способности к расследованиям. Это же очень интересно! Вы читали Эдгара По?

– Нет, не слышал про такого, – признался Столбов.

– Американский писатель, очень модный. Пишет так, что зачитаешься. У него есть произведения про Огюста Дюпена. Так вот, этот господин Дюпен одной лишь силою ума расследует преступления. Например, в рассказе «Убийство на улице Морг» он понимает, что ужасные убийства женщин совершила обезьяна.

– Хм, обезьяна... вот как, – скептически отозвался пристав. – Однако, в наших краях обезьяны не водятся. Это Вам не Америка!

– Там действие происходит в Париже.

– Не важно. Тем более, от Парижа мы тоже далеко. У нас, извините, и преступления другие – никакой экзотики: напился мужик и в горячке зарубил топором жену. А Вам всё это придётся разгребать и оформлять. Большой силы ума такое не требует, а вот усердие и терпение нужны.

Трегубов растерялся, не зная, что и ответить, но уверенности в том, что его слава, как следователя громких преступлений ещё впереди, слова Ильи Петровича ее не поколебали. Тем более, что он видел явные параллели в происхождении и судьбе себя и Огюста Дюпена: оба из благородных семей, оба оказались разорены, оба вовлечены в расследование убийства.

Тем временем они добрались до Всехсвятского кладбища. Показалось здание новой тюрьмы, построенное купцом Басовым взамен уже обветшалой прежней. За каменной стеной в несколько метров высотой, располагалось трехэтажное здание с четвертым подземным этажом, из нескольких объединенных корпусов. Полицейские подъехали к воротам, укрепленным железными конструкциями.

– Доброго утра. Мне нужен дежурный офицер, – обратился Столбов к часовому.

– Вы по гражданским, Ваше благородие?

– Да.

– Тогда Вам в тот корпус. Поручик Липецкий должен быть сейчас там.

– Да, знаю, не первый раз тут. Поехали, Иван.

Поручик Липецкий оказался худым невысоким офицером с острым носом и резкими движениями.

– Илья Петрович, – приветствовал он Столбова, бросив мимолетный взгляд на Трегубова, – какими судьбами?

– Нужно допросить Торотынского Михаила Алексеевича, знаете такого?

– Да, недавно поступил, в моё дежурство как раз. Сейчас посмотрю... Ага, камера номер три. Давайте, я Вас сопровожу.

Липецкий повёл полицейских в мужскую часть корпуса. Дверь с железной решетчатой форточкой запиралась снаружи железным засовом. Поручик открыл дверь и первым прошёл в камеру.

– Прошу.

Илья Петрович и Иван прошли в камеру, имевшую два зарешеченных окна и кирпичную голландскую печку внутри. Но внимание Трегубова сразу привлек поднявшийся с деревянных нар Михаил. Под глазами молодого человека были темные круги, черты лица заострились, а на щеках выступила щетина.

– Ваня? – удивленно проговорил он.

– Спасибо Алексей, – повернулся к Липецкому Столбов.

– Хорошо, я пошёл, если что будет нужно, сразу зовите.

– Спасибо, – ещё раз сказал Столбов, и Липецкий покинул камеру, прикрыв дверь.

– Мы здесь официально, господин Торотынский. Иван будет записывать наш разговор, – пристав бросил взгляд на Ивана, давая тому понять, что пришло время заняться исполнением служебных обязанностей.

– Иван убедил меня заняться этим делом. Но общаться вам тет-а-тет, как участникам инцидента, свидетелю и подозреваемому, я запрещаю. Не обессудьте. Вы меня поняли?

– Да, – сказал Иван, а Михаил просто кивнул, при этом друзья обменялись взглядами.

– Хорошо, давайте присядем и начнем. Меня, молодой человек, зовут Илья Петрович, на данный момент я исполняю обязанности помощника исправника Тульской губернии. Как Вас зовут я, естественно, осведомлён, и Вашу историю в интерпретации урядника Трегубова уже слышал. Теперь хочу послушать Вас.

– С чего мне начать? – спокойно спросил Михаил.

– А Вы сами как думаете, где начало этой истории?

Торотынский задумался и вздохнул.

– Я думаю, что началось всё тогда, когда Медведев узнал, что мы с отцом Марии Александровны договорились по осени сыграть свадьбу. С точной датой ещё не определились.

– Когда это было? – спросил Столбов и посмотрел на урядника, чтобы убедиться, что тот всё записывает.

– Договорились около месяца назад, а когда узнал капитан Медведев, не знаю, – ответил Михаил.

– Что дальше?

– Дальше он начал преследовать Марию Александровну. Не понимаю, что у него там в голове было, но он совершенно безосновательно считал, что она его невеста. Он приехал к ним в имение, и её батюшка всё доходчиво ему объяснил. Однако он продолжал проявлять упрямство, и я уже хотел поехать к нему и поговорить с ним сам.

– Но этого не случилось?

– Нет.

– Почему?

– Мария Александровна, зная характер Медведева, отговорила меня, сказав, что нам не нужен скандал, нужно подождать чтобы всё само улеглось.

– А что за характер был у капитана?

– Про покойников плохо нельзя, но он был шептунной, игрок, пьяница и, говорят, что бабник и дуэлянт, – внезапно встрял в разговор Иван.

– Я Вас не спрашивал, молодой человек, – строго осёк его Столбов, – Ваше дело молча писать. Если это повторится, выйдете за дверь, – предупредил он Ивана, который сразу уткнулся в свои бумаги.

– Иван прав: если не углубляться в частности – у Медведева была плохая репутация, – продолжил Торотынский, – но смерти он, конечно, не заслужил. Это был несчастный случай.

– К несчастному случаю мы ещё вернёмся. Давайте по порядку. Что было дальше? Вы не поехали к Медведеву?

– Да, – горько усмехнулся Иван, – он сам приехал.

– Когда?

– Ровно за неделю до происшествия.

– Кто его видел?

– Я, – Михаил задумался, – Людмила Павловна – это управляющая. Возможно, Игнатьевич – это наш садовник. Я как раз был у него, когда приехал Медведев, который стал звать меня и оскорблять. Он был пьян, как часто бывает. Но не так сильно, как в тот раз. Я взбесился и схватил ружьё.

– То самое ружьё?

– Да, папенька с ним на охоту ходили. Я то не охотник, и вообще к оружию отношения не имею. В армию не попал по причине здоровья. Занимаюсь хозяйством.

– Ружье, – Столбов вернул к своему вопросу Торотынского.

– Да, ружье. Сейчас оно у Игнатьевича хранится, пугать, если кто залезет. Оно не заряжено, чтобы никого не поранить.

– И Вы испугали им Медведева в тот раз?

– Да. Я был в бешенстве. Думаю, он не был так пьян, чтобы не понять, и он не знал, что ружьё не заряжено. Я ему сказал убираться, а то пристрелю. Он что-то пробормотал, что мы, мол, ещё встретимся, и уехал.

– Что было дальше?

– Дальше Иван Вам, наверное, рассказывал?

– Я хочу послушать Вас.

– Он приехал снова, через неделю, когда у нас был ужин.

– Кто был на ужине?

– Я, Ваня, доктор Рар, Шляпниковы – наши соседи, Иосиф Григорьевич – директор сахарного завода, и Людмила Павловна – управляющая.

– Слуги, челядь?

– Петька был – прислуга, и потом Степан Игнатьевич – наш садовник – подошёл.

– Итак, приехал капитан Медведев...

– Да. Совсем пьяный, еле на лошади держался. Опять начал свои оскорбления сыпать и стал звать на дуэль, биться на саблях.

– А Вы?

– Ну мне кровь в голову, я хотел взять саблю – от папеньки тоже осталась – и выйти к нему. Но Людмила Павловна отговорила.

– Экономка?

– Управляющая.

– Что она сказала?

– Сказала, нечего мол устраивать смертоубийство, пугани его, как прошлый раз. Я и послал за ружьем к Игнатьевичу.

– Кого?

– Петьку.

– Он быстро принёс?

– Да сразу же. Я понимаю, к чему Вы клоните: нет, зарядить бы они не успели, всё быстро произошло.

– Итак, Вы вышли к Медведеву с ружьём. И?

– И сначала я подумал, что он успокоился и уедет. Но вдруг его лошадь дернулась прямо на меня. Не знаю, как это произошло, наверное, я был очень напряжен и от неожиданности нажал на крючок. Ружьё выстрелило, но я сначала не понял, что попал. Это Игнатьевич уже когда вышел... Говорю же, это – несчастный случай!

– Кто зарядил ружьё? – четко спросил Столбов глядя прямо в глаза Торотынского.

– Не знаю, у нас и пуль то нету к нему, – ответил Михаил, не отводя взгляда.

– Хорошо, спрошу по-другому: кто мог зарядить ружьё?

– Только Игнатьевич, кроме меня.

– Но он не заряжал? – спросил пристав.

– Нет. Он клянётся, что не заряжал. Может, ещё Фёдор умеет, не знаю, но его в тот день не было. Он уехал в Москву.

– Фёдор?

– Да, конюх. Но не думаю, что он мог бы.

Столбов замолчал и задумался.

– Что Вы думаете об этом деле? – тихо спросил Михаил.

– Пока не знаю. Боюсь составить превратное мнение, не зная всех деталей, – ответил Столбов.

– Каких деталей?

– Нужно опросить всех ваших домочадцев. Пуля же откуда-то появилась?

– Появилась, – грустно сказал Михаил.

Столбов посмотрел на него, помолчал ещё несколько секунд, что-то обдумывая, потом сказал:

– Я пока не вижу причины, по которой бы Вам нужна была смерть капитана Медведева. Поэтому буду честен: пока это выглядит, как неумышленное убийство. Но, поскольку, как я понимаю, капитан Вам физически не угрожал в момент выстрела, то маловероятно, что это можно будет квалифицировать как самозащиту.

– И что всё это значит? – встревожился Торотынский.

– Скорее всего, это не смертная казнь, но тюрьма или каторга на долгие годы. Не знаю, как решит присяжный суд.

– Но что же мне делать?

– Как я говорил уже Вашему другу, искать хорошего адвоката. Министра из столицы, конечно, не заполучить, но, например, в той же Москве есть хороший адвокат по фамилии Плевако. Деньги у Вас есть. Поговорите с ним. Он творит чудеса. Пару лет назад курсистка из ревности к подруге застрелила ухажёра из револьвера, умышленно. Так этот господин Плевако повернул всё так, что она избежала наказания.

– Как так? – удивился Михаил. Трегубов тоже с любопытством оторвался от своих записей.

– Он сказал в суде речь о том, что девушка была в подавленных чувствах, имела проблемы в семье, и была не в себе во время выстрела.

– И что дальше? – спросил Михаил.

– Дальше её отправили лечиться в больницу, – ответил Столбов.

– Я не хочу, чтобы меня отправили в больницу, – сказал Торотынский.

– Я же не говорю, что это случится непременно! Адвокат предложит выход, а решать Вам.

– И что? Это единственный выбор для меня – каторга или больница? – тоскливо пробормотал Михаил.

– Сами виноваты, молодой человек. Нужно осторожнее вести себя с оружием, – выговорил пристав. – Но я думаю... – Столбов замолчал.

– Что? – спросил Михаил.

– Я буду заниматься этим делом, пока не разберусь во всём досконально, – прервал свои размышления Столбов. – Может, появление заряженного ружья ничего и не значит, а может это не случайность. Нужно разобраться, откуда в нём появилась пуля. Иван, зовите Липецкого.

Когда полицейские выехали из тюрьмы, Иван снова спросил погруженного в раздумья Столбова:

– Вы считаете, что есть хоть небольшой шанс для Михаила выпутаться из этой ситуации?

– Есть, но крайне призрачный. Зачем, спрашивается, экономка предложила принести ружьё, скажите на милость?

– Управляющая.

– Какая разница! И ещё вот что: а почему Ваш друг не пригласил свою невесту на ужин, на который приехал капитан Медведев?

– Она ещё слаба, – ответил Трегубов.

– В каком смысле «слаба»?

– Доктор прописал ей постельный режим. Она сильно отравилась чем-то пару недель назад, чуть Богу душу не отдала.

– Вот как! Отравилась чем-то, а потом бывшего жениха застрелили! – воскликнул Столбов. – Едем быстрее, мне ещё нужно успеть к исправнику – в новые обязанности вхожу.

4.

– У нас мало времени, – говорил Столбов Трегубову. – На следующей неделе могут уже назначить судебного следователя.

Пристав и урядник встали с самого утра, с петухами, и сейчас направлялись в имение «Родники» переговорить с домочадцами Торотынского. Они ехали по проселочной дороге, которую с двух сторон окружал густой лес. Дорога была пуста. Никто не просматривался в утреннем тумане ни сзади, ни навстречу.

– И что это значит? – спросил Трегубов.

– Может и ничего, а может следователь решит, что всё в деле ясно, и нужно передавать его в суд. У них тоже сейчас людей не хватает, по двадцать дел ведут за раз. Какое тут разбирательство! Лишь бы скорее закрыть.

– Но как же такое возможно, когда человеческая судьба зависит от расследования?!

– А вот так! Каждый только о себе думает, – недовольно сказал Столбов. – Не дай Бог ещё Истомина назначат.

– Почему?

– Этот никогда оправданий не ищет, ему легче обвинить кого.

– Тогда нам нужно поторопиться и всё выяснить до судебного следователя, – сказал Трегубов.

– Я об этом и говорю. Скоро у меня вообще времени не станет, как только дела приму у исправника, буду больше бумажками заниматься, – вздохнул пристав.

– Если Вы не любите заниматься бумагами, зачем идете помощником?

– Как зачем? Карьера, жалованье выше. Может, исправником стану, нынешний уже в годах. Да чем ещё заниматься?

– А Ваша семья?

– Семьи у меня нет, – ответил Столбов. – Вдовец я. Жена умерла в родах, когда на войне был. Так больше и не женился. Семья моя – это служба.

– Вы были на войне? В Крыму?

– Да, был, – мрачно ответил пристав, – теперь голова по вечерам раскалывается – контузия.

– Я бы тоже хотел попасть на войну, – мечтательно произнес Иван. – Совершить что-нибудь, поступок какой! Но, видно, не судьба.

– Ну и хорошо, нечего там делать, – проворчал пристав.

– Как это нечего? А защищать Отечество, как Нахимов, как Ушаков!

– Отечество обойдется и без Ваших подвигов. Нет в войне ничего героического – только дурость и кровь. Читали «Севастопольские рассказы» графа Толстого? Нет? Почитайте обязательно. Это он ещё причесал всё. Но картину общую даёт. Не человеческое это занятие – война.

– Но люди постоянно воюют, – возразил Трегубов.

– Потому как дурость в головах. Человеку в отличие от скотины дан Богом ум и язык, чтобы договариваться, а не стрелять друг в друга из орудий. Вон сколько народа в Крыму полегло от пуль и болезней! А какой в этом прок?

– Ну... – начал Иван.

– Никакого проку! – оборвал его пристав. И мне думается, что Его Императорское Величество, царствие ему небесное, тоже понял это. Сколько потом полезного сделал для Империи!

Тут Столбов вспомнил про новые указания, поступившие полиции после коронации нового Императора, насупился и замолчал. Трегубов тоже молчал, поскольку не понимал такого неприятия героического служения Отчизне в собственном начальстве. Так молча они и доехали до имения.

Двухэтажная усадьба бледно желтого цвета с белыми классическими колоннами в окружении стриженных кустов содержалась в полном порядке, что говорило о благополучии хозяев. Так было далеко не со всеми помещичьими домами в эти времена.

Полицейские спешили. Из пристройки выскочил белобрысый парень, нос картошкой, лет пятнадцати или шестнадцати.

– Петька, возьми лошадей. Людмила Павловна дома?

– Да вот же она!

Управляющая имением, одетая в строгое серое платье, показалась на ступенях крыльца.

– Иван? Какие новости о Михаиле? – обеспокоенно спросила она.

–

Добрый день, Людмила Павловна. Пока ничего не могу сказать. Это пристав Илья Петрович Столбов. Он приехал поговорить с Вами, хочет помочь Михаилу.

– Если так, то милости просим в дом, – управляющая оглядела Столбова с ног до головы. Они прошли в дом и поднялись на второй этаж, как раз в ту комнату, где проходил тот злополучный ужин. О чем сразу упомянул Иван.

– Мы как раз здесь сидели тогда.

– Что-то хотите с дороги? – спросила управляющая.

– Чаю бы, – попросил Столбов.

– Хорошо. Располагайтесь, я схожу распоряджусь.

– Вы отсюда смотрели? – спросил пристав урядника, подойдя к окну, когда вышла Людмила Павловна.

– Да, – Трегубов тоже подошёл к окну. Медведев на лошади был вон там, напротив того куста, а Михаил перед ним в одном или двух метрах.

– О чём Вы хотите со мной поговорить? – управляющая вернулась и села за стол.

Столбов отодвинул стул и присел напротив. Трегубов разместился сбоку.

– Я бы хотел подробно разобрать, что здесь произошло, что за люди были. Может быть, это поможет Михаилу.

– Что ему сейчас грозит?

– Тюрьма или каторга, – пожал плечами пристав, – но, вероятно, есть какие смягчающие обстоятельства. Вы давно здесь работаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.